

Николай Беседин

ВОЗДУХ ПРОНИЗАН ГРОЗОЙ

НА ТОНКОЙ НИТКЕ ВРЕМЕНИ

Николай Васильевич Беседин родился в 1934 году в Кемеровской области на золотом прииске. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Работал в институте ядерной физики, научно-исследовательских институтах, Госплане СССР. Автор 16 поэтических сборников, трехтомника «Избранное». Лауреат литературных премий имени Н. Заболоцкого, И. Бунина, А. Чехова, международной премии «Золотое перо». Член Союза писателей России. Живет в Москве.

Стихи Николая Беседина, которому недавно исполнилось 90 лет со дня рождения, всегда оставляют в читателе чувство пространства — не только физического, но и духовного, интеллектуального, нравственного. Все измерения, подвластные воле художника, здесь нанизаны на тонкую нитку времени, которая соприкасается с нашей кожей и больно ранит ее.

Поэт «входит» острым и внимательным взглядом в осязаемый оком и поразительно быстро обживает его: земное волшебным высвобождает из-под своей корки все иные непостижимые для рационального ума проекции — это касается предметов, понятий, памяти, духовного трепета, и они становятся полноправными и неотъемлемыми частями художественного космоса. За мгновения до того он был спрятан от зрения, обманутого лукавой действительностью.

Сама ткань стиха Николая Беседина по видимости проста и прозрачна, однако обширный словарь насыщает ее огромным количеством смыслов. Поэт свободно обращается к самым разным картинам, видениям, предчувствиям, и узы реальности ничуть не стесняют его, когда он легко переходит из эпохи в эпоху, сохраняя при том собственную принадлежность нынешнему веку.

Все эти свойства узнаются нами в творчестве Пушкина, Блока, других классиков отечествен-

ной литературы и совокупно могут быть осмыслены как универсальность. Поэзия Николая Беседина очень хорошо вписывается в обширное поле такого определения. В эмоциональном отношении она удивительно разнообразна. Печаль и литературный юмор не перечат друг другу, но находят свой контекст и гармонично соседствуют на поэтической странице. Публицистические строки и размышления на философские темы могут прозвучать на равных правах в пределах одного лирического цикла. Творческое толкование духовных текстов и стихи-воспоминания о давнем морском прошлом автора живут под одной обложкой уже много лет. Есть еще одно важное качество в поэзии Николая Беседина, которое также сближает его с великими предшественниками: неугасающая жажда земной и Небесной справедливости.

Его присутствие в современной русской поэзии — негромкое, не декларативное, но какое-то неизъяснимо основательное, будто напоминающее сообществу писателей и читателей о том, что литература живет вдохновением, чистотой, состраданием, любовью. А поэтическая строка — ясностью слога, внятностью мысли, благородством задачи, поставленной автором перед самим собой.

Есть очень немного сегодняшних литературных фигур, которые по праву могут быть осознаны как посланцы из прошлого в настоящее: из минувшего времени, хорошего и плохого, в нынешние годы, о которых трудно сказать, какие они на самом деле. Не произнося других имен, назовем только Николая Васильевича Беседина — старейшего русского поэта, который помогает нам не забывать о собственном родовом древе, хранить на сердце евангельские заповеди и слышать чистую русскую речь, которая способна объять весь мир.

Вячеслав ЛЮТЫЙ

* * *

Гаснет день над Угрой.
Все настойчивей запах сирени.
В небе ласточки чертят круги
высоко, высоко.
Выходи на крыльцо.
Посидим на остывшей ступени.
Пусть душа отдохнет
от всего, что от нас далеко.
Все равно не понять
эту жизнь, это время летящее,
Словно есть тот предел,
за которым закончится бег.
Все равно не понять,
что же было у нас настоящее
И зачем в этот мир сотворенный
пришел человек?
Сквозь раkitную зелень
виднеется солнце закатное,
Погружается в сонный туман
городок за рекой.
И дома, и над церковью купол
как будто бы ватные,
И во всем этом странный
и грустный, предвечный покой.

Может, выпало время
для тихого праздника лени,
Или это усталость
от прожитых миром веков...
Выходи на крыльцо.
Посидим на остывшей ступени,
Пусть душа отдохнет
от всего, что от нас далеко.

* * *

Перелесок. Елань. Поле сонное.
На Угре рыбьих всплесков круги...
Деревенька моя, мать приемная,
Внемли блудному сыну тайги.
Молчаливая сердцу утешница,
Окропи мои раны росой.
По тропинке, протоптанной месяцем,
Я пойду по угору босой.
Буду мятой дышать и бессмертником,
Обожгусь о крапивную сонь,
Просияет негаданным вестником
Придорожной рябины огонь.
В твой покой равнодушный, таинственный
Упаду, как в осенний туман,
И забуду про поиски истины,
И не вспомню про боль и обман.

* * *

Деревня больна тишиной,
Ни стука, ни скрипа, ни голоса.
Нелепость заблудшего колоса
На поле, заросшем травой.
Колодца обрушенный сруб
Безмолвен, как древний могильник,
Паук, этот вечный прядильщик,
Вершит заколдованный круг.
Иду — и не слышу шагов,
Дышу — и не чую дыханье.
Меня поглощает молчанье
Умолкнувших здесь голосов.
Кот бросился прочь напролом,
Отвык от людей бедолага.
Обрывки российского флага
Уныло висят над крыльцом.
Полы под ногами скрипят.
Кровать, шифоньер, занавеска...
Два снимка, как древние фрески,
С печальным укором глядят:

— Простите!
Безмолвны глаза,
Лишь сном золотым истекают.
Они нас, наверно, прощают,
Не зря так светлы небеса.
И мертвые избы не зря
Среди тишины и бурьяна.
Не зря под окошком тюльпаны,
Как скорбные свечи, горят.
И воздух пронизан грозой,
Которая где-то таится,
Не зря будет то, что случится
На русской земле горевой.

* * *

Какая зябкость, пасмурность какая!
Пропахло небо горечью полей.
Уходит осень, тихо окликая
Простор гортанным криком журавлей.
Уходит осень по лесным дорогам,
Продрогнув до последнего листа,
И с каждым днем седеет понемногу
От холодов предутренних река.
Проглянет сквозь дожди кусочек сини,
Смешает краски, бросит их вразлет...
Но проступает строгость четких линий
Во всем, что вслед за осенью грядет...

* * *

Я слушал тишины Божественный хорал.
И небо, и заснеженное поле,
И зыбкий горизонт, что их соединял, —
Все подчинялось молчаливой воле.
Как в первый день творенья, свет и тьма
Мир поделили, но не в равной доле.
И хаос был не побежден сполна,
И свет еще, казалось, был в неволе,
Но медленно рассеивался мрак
Там, где вставало зарево земное.
Я слушал тишину. И было сладко так
И радостно от вечного покоя.
Так в редкое мгновенье вдруг замрет
Природа от внезапного прозренья,
Что времени неслышимый полет —
Всего лишь часть безмолвного творенья.
Я слушал, как рождалась тишина
В укрытой снегом молодой сосенке,
В таинственной мерцании окна,
Где бродят сны уснувшего ребенка.

Она рождалась в угасанье дня,
Что растворялся в сумерках устало.
Она рождалась в сердце у меня
Предчувствием небесного хорала.

* * *

Я люблю ту великую, грешную,
Ту ушедшую в вечность страну
И за веру ее сумасшедшую,
И за праведную вину.
Не просила у мира, не кланялась,
Берегла свою честь испокон.
И прости ее, Боже, что каялась
Не у тех, к сожаленью, икон.
Было все — упоенье победами,
Были всякие годы и дни,
Но над всеми смертями и бедами
Было что-то, что небу сродни.
И когда-нибудь праздные гости
Спросят новых вселенских святых:
— Что за звезды горят на погосте?
И услышат:
— Молитесь за них.

* * *

На старинной гравюре,
где небо вразлет
Разметалось над полем,
Где ворон клюет
На дороге ячменные зерна,
Где легко и упруго
скользят облака,
Где не то, чтобы дни и года,
А века
Исчезают, как листья, покорно.
На старинной гравюре,
где сонный покой
От осокоря льется
И на водопой
Пастушонок торопит отару,
Там душа и пространство,
себя обрета,
Так слились воедино,
как мать и дитя,
Как два промысла божьего дара.
В окнах сумерки гаснут, стирая тона,
Размывая границы гравюры и сна,
Поля этого, этой дороги.

Годы пройдут.
Он вернется обратно
К храму, где Образ над входом сияет.
Встанет смиренно, застынет у двери,
Будто бы вспомнит того... что из детства.
И переступит порог.
И поверит,
И ощутит эту веру всем сердцем.